

Цюй Цзюаньцзюань, заметив, что Фань Мин витает в облаках, окликнула:

— Господин Фань, осторожнее!

Фань Мин отвлёкся, и нож для овощей едва не стал орудием увечья.

Цюй Цзюаньцзюань, едва оправившись от шока «Тан Шаотан взял его фамилию?», переключилась на «Тан Шаотан не знает, что тот Жуань?» и в итоге, чтобы успокоиться, решила: «Значит, Тан Шаотана обманули». Сказала:

— Брат, может, сможешь? Овощи порежешь?

Она знала: Тан Шаотан, хоть и не хотел больше готовить, против помощи не возражал.

Да и резать овощи — почти то же самое, что резать людей.

Тан Шаотан кивнул, тщательно вымыл свои белые тонкие руки, легко принял из рук Фань Мина тесак и принялся крошить морковь кубиками. Движения были отточенные — каждый кубик получался идеально ровным, квадратным, будто под линейку. На их фоне морковь, порезанная Фань Мином, смотрелась уродливо-кривой.

Вопрос Фань Мина повис в воздухе, да и дело у него отобрали. Поколебавшись, он остался не у дел и принялся разглядывать выразительные черты лица Тан Шаотана, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, чтобы связать его с тем, кого он искал.

Но сколько ни вглядывался — ничего.

Этот «господин Жуань» был невероятно красив — ни капли не похож на заурядного хозяина дома Жуань. Даже его «сестра» Цзюань, хоть и миловидна, сильно проигрывала ему в сравнении. Стоя рядом, они оба были хороши собой, но сходства между ними не было никакого.

Да и возраст «господина Жуань» не сходился с возрастом того, кого он искал.

Неужели всё это просто совпадение? Он оказался в доме Жуань и наткнулся на брата с сестрой, носящих эту фамилию?

....

В то же время.

Пара «братьев» тихо прокралась во двор родового храма семьи Жуань.

Во дворе, полном запустения и тоски, росли два кипариса — по одному с каждой стороны.

Левый клонился к земле, почти мёртвый, словно разделяя горе семьи, пережившей крутые перемены. Ветви его обнажились под натиском ветра и дождя, листва полностью опала, укрыв землю толстым слоем сухой хвои.

Правый, хоть и дышал той же иссушенной скорбью, не желал сдаваться упадку. Упрямо вытягивал в стороны свои тонкие ветви, одиноко стремясь в небо.

В этот миг на ветке пристроилась тощая ворона. Прокаркала пару раз — и вдруг оказалась в цепких пальцах незваного гостя.

Ши Вэнь, схватив птицу, мигом сунул её за спину — будто так её никто не заметит.

А Цзю: «...»

Я видел.

Ши Вэнь: «...»

Не видел.

Строго говоря, гу, которых разводили в Павильоне Ушоу, не были ни насекомыми, ни ядом в чистом виде. Что они такое — с ходу и не объяснишь. Даже если какая-нибудь птица по глупости примет их за букашку и склюёт, ещё неизвестно, кто в итоге погибнет. Так что особо оберегать их нужды не было.

Но для Ши Вэня они были сокровищами. А защищать свои сокровища — дело естественное. Придушить ворону — пустяк. Но Ши Вэнь боялся, что А Цзю разозлится.

А Цзю:

— Руку.

Ши Вэнь:

— А.

Он швырнул ворону, чьи жизненные силы были на исходе, и разжал ладонь перед А Цзю — пустая.

Нет, не совсем: между пальцами застряло чёрное перо.

А Цзю: «...»

Ши Вэнь: «...»

А Цзю молчал. Ши Вэнь, занервничав, склонился на него.

Он хорошо помнил, как три года назад, когда он прихлопнул одну мерзкую тварь, А Цзю очень разозлился. До того дня он никогда не видел А Цзю таким.

Когда А Цзю злился — это было страшно.

Помнится, А Цзю тогда опустился на колени рядом с той тварью, глаза налились кровью, и он уставился на Ши Вэня.

Взгляд его был... похож...

Да, точно — как люди смотрят на насекомых.

А Цзю шевельнул губами и что-то сказал.

Что именно?

Ши Вэнь вдруг почувствовал, как сердце ёкнуло, и тревожно выдохнул:

— А Цзю?.. Брат?

Самих слов он сейчас не вспоминал, но помнил, что тогда тоже назвал его «братом».

И тогда А Цзю, кажется, немного оттаял.

А потом и вовсе перестал злиться, только составил ему длиннющий-предлинный список — чего нельзя убивать. И не просто составил, а лично следил, чтобы Ши Вэнь каждый день его заучивал. Голова от этого шла кругом.

А Цзю щёлкнул его по лбу — несильно, но звонко.

Ши Вэнь поморщился:

— Больно.

А Цзю вытащил застрявшее перо и усмехнулся:

— Крылья окрепли, игратья со мной вздумал?

Ши Вэнь сразу сдался:

— Виноват.

А Цзю:

— Ладно, понял — и хорошо. Жди здесь.

Он развернулся, переступил через потрескавшиеся каменные плиты, затянутые зелёным мохом, отмахнул паутину и в одиночку вошёл в храм, толкнув облупившуюся дверь.

Дверь с скрипом поползла по полу — звук слился в памяти Ши Вэня со скрежетом открывающейся железной двери.

Ши Вэнь отвел взгляд. В воспоминаниях ржавый замок наконец упал на землю.

А, вот оно. Вспомнил.

Вспомнил, что сказал тогда А Цзю.

Тогда А Цзю держал тухлую, уже разлагающуюся руку... той твари. Сам закрыл её широко раскрытые, мутные и желтоватые глаза.

А потом, хрипло, спросил:

«Ты что за тварь такая?»

Сейчас.

Ши Вэнь наклонил голову, усиленно соображая.

Так что же он за тварь?

Но он твёрдо знал: кем бы он ни был, А Цзю — такой же.

Храм снаружи был опутан паутиной, двор зарос бурьяном — казалось, годы сюда не ступала нога. А Цзю ожидал, что внутри будет та же картина, поэтому, прикрыв лицо рукавом, одной рукой отворил полуприкрытую дверь и вошёл. К его удивлению, в храме царили порядок и торжественная чистота — ни пылинки, всё протирано. Совершенно неестественно для заброшенного места.

А Цзю опустил рукав и неспешно подошёл к алтарю. На столе стоял помост для табличек предков, а на нём — сами таблички, расставленные по старшинству поколений. Все аккуратно, по рангу. А Цзю поднял руку и, не прикасаясь, провёл пальцем вдоль рядов, внимательно вычитывая каждый иероглиф на каждой табличке. Но знакомого имени так и не нашёл.

Выражение его лица помрачнело. На душе стало неясно-тягостно, а в глазах забрезжила лёгкая тень печали.

Нет его.

То ли уже забыли старого друга, то ли всё ещё верят, что он жив?

Ещё когда он по следам нашёл Ши Вэня, то сразу заметил едва державшуюся на косяке табличку.

Поблёкший иероглиф «Жуань» всколыхнул давно забытое.

А Цзю, конечно, знал о семье Жуань. Слышал и о той кровавой истории, что связала их с семьёй Фань в прошлом поколении. Но сам он из Павильона Ушоу не выезжал, в уезд Ланьпин не навещался, поэтому ни усадеб тех, ни ныне живущих потомков воочию не видел. Пришлось потратить время на проверку.

Лишь когда он прибыл в Ланьпин, вошёл в тот самый дом Фань и назвал Тан Шаотана фамилией Жуань, Фань Цзэчэн не выдержал и набросился — тогда А Цзю окончательно убедился: да, это та самая семья Фань. А глава её, Фань Цзэчэн, всё такой же, каким его описывали — достоин смерти.

Если так, то Фань Мин и Фань Сяо, будучи сыновьями Фань Цзэчэна, вполне логично оказались связаны с Павильоном Ушоу. В конце концов, корни идут из семьи. Их отец при старом главе павильона был важной фигурой. Что ж удивительного, что теперь сыновей, добровольно или нет, втягивает в свои интриги какой-нибудь нечистый на руку старейшина Павильона?

По-настоящему странно другое — люди из семьи Фань появляются в доме Жуань.

Если бы один Ши Вэнь сюда случайно забрёл, А Цзю ещё мог бы списать на причуды судьбы. Но пропавший старший сын Фань, Фань Мин, тоже здесь — и именно он привёл их сюда. Тут уже пахнет неслучайностью.

Между отцами — кровная вражда. А сын сбежал из дому и в качестве убежища выбрал... владения врага? Не от врага прячется, а от родного отца?

Редчайший пример сыновней почтительности.